

Такси въехало в ворота жилого комплекса «Минху». Чем ближе к дому они подъезжали, тем яснее становились мысли Цяо Юаньлиня. Он потер ладонями лицо и сказал:

— Пожалуйста, остановитесь здесь.

Время было позднее, Цяо Вэньюань и Хэ Цзе наверняка уже легли, и шум мотора мог потревожить их сон. Если же они все еще не спали и ждали его, он просто наврет, что пришлось задержаться на работе, а телефон разрядился.

Выйдя из машины, Цяо Юаньлинь побрел к дому тяжелым шагом. Перед самым подъездом он с облегчением выдохнул: в окнах было темно. По крайней мере, не придется выкручиваться.

Держа перед собой коробку, он боком навалился на калитку и толкнул ее плечом. Дверь со скрипом отворилась. Цяо Юаньлинь поднял голову. В нескольких шагах от него, на крыльце под тусклым желтым светом лампы, стоял Лян Чэн.

Оба молчали. Цяо Юаньлинь замер на месте. В тишине слышался лишь надоедливый писк комаров.

Лян Чэн спустился по ступеням. Теперь он отчетливо видел его лицо. Оказалось, старик-охранник на воротах не преувеличивал: парень и правда выглядел глубоко несчастным. Бледный, осунувшийся... а ведь еще днем, когда уходил из больницы, буквально светился от радости.

Несколько часов он сдерживал слезы, неприкаянно блуждая по улицам, но теперь, перед лицом Лян Чэна, на него лавиной обрушились усталость и накопившиеся эмоции. Цяо Юаньлинь понял, что больше не может держаться.

Лян Чэн шагнул к нему первым. Лево́й рукой он перехватил коробку, а правой приобнял его за плечи, поддерживая покачнувшееся тело.

Широкая теплая ладонь легла на ледяную шею, бережно растирая кожу, чтобы согреть ее, и взъерошила волосы на затылке.

— Зачем ты вернулся? — прошептал Цяо Юаньлинь, уткнувшись ему в плечо. — Это все из-за тебя... Зачем ты только вернулся...

А Лян Чэн ответил:

— Больше я не уеду.

Цяо Юаньлинь медленно поднял голову. В его глазах, полных боли и обиды, блеснули слезы.

На самом деле Цяо Юаньлинь с детства не любил плакать. Белые халаты его не пугали, учителя были не столь суровы, как родители, и, несмотря на слабое здоровье, он рос куда более стойким, чем сверстники.

Тогда, на перроне, он рыдал навзрыд, но поезд уносил Ляна прочь, и тот не видел его слез. Сегодня же они стояли лицом к лицу. Не успели слезы подступить к глазам, как Лян Чэн осторожно коснулся уголков его век.

Цяо Юаньлинь резко уклонился, не желая показывать слабость, и грубо вытер лицо тыльной стороной ладони. Высвободившись из его объятий, он пробормотал:

— Комары замучили... Я... я пойду в дом.

В квартире царила полная тишина. В холодильнике его ждал ужин из двух блюд и супа, но аппетита не было. Цяо Юаньлинь юркнул в свою комнату и плашмя рухнул на кровать лицом вниз.

Вскоре постучали, и в комнату вошел Лян Чэн со стаканом теплого молока.

— Выпей и сходи в душ, — сказал он.

«Еще чего, командовать он вздумал», — мысленно огрызнулся Цяо Юаньлинь и буркнул:

— Не буду я мыться.

Лян Чэн поставил молоко на прикроватную тумбочку.

— Сходи сполоснись. Ты весь день провел в больнице, там полно микробов.

Цяо Юаньлинь мгновенно вскочил на кровати:

— Если брезгуешь, зачем тогда обнимал?

Лян Чэн промолчал, не найдясь что ответить, и это немного подняло Цяо Юаньлиню настроение. Он взял стакан и спросил тоном капризного барчука, допрашивающего телохранителя:

— Где моя коробка?

— В гостиной, — ответил Лян Чэн. — Тебя уволили?

Цяо Юаньлинь слизал белый след от молока на верхней губе и ответил:

— Нет. Но из отдела новостей меня выставили.

— По какой причине? Я поговорю с Сунь Чжо...

— Не смей, — Цяо Юаньлинь сунул пустой стакан Лян Чэну и снова уткнулся в подушку. — Не суйся в мои дела, я устал и хочу спать.

Лян Чэн не знал, как с ним сладить — по крайней мере, сейчас это было бесполезно.

Завернувшись в одеяло, Цяо Юаньлинь перекатился на бок и выключил свет. Глядя на силуэт Лян Чэна в дверном проеме, он тихо, почти неосознанно спросил:

— Ты правда больше не уедешь?

— Да, — ответил Лян Чэн.

Опомнившись, Цяо Юаньлинь то ли из упрямства, то ли из гордости поспешил провести черту:

— Мне-то какое дело.

Дверь тихо притворилась. Лян Чэн с усмешкой вздохнул. Время было позднее, он открыл дверь гостиной спальни, надеясь наконец выспаться.

Из-за глубокого чувства незащищенности в детстве он привык спать очень чутко. Любой шорох тут же будил его, и с годами эта проблема лишь усугублялась.

Покинув Пинхай, в чужих странах и незнакомых городах он постоянно просыпался от кошмаров. В эти моменты он судорожно сжимал край кровати так, что на руках вздувались вены. Им владел страх... страх, что один дорогой ему человек не сможет нормально вырасти без него.

Но эта долгая ночь миновала, и Лян Чэн проспал до самого утра.

Цяо Юаньлинь же провалялся в постели до полудня. Кое-как поднявшись, он принял ванну, плотно поел и снова улегся спать. Телефон был выключен — все выходные он провел в блаженном забытии, отгородившись от внешнего мира.

К вечеру воскресенья пришло время возвращаться к реальности. Цяо Юаньлинь отыскал в мусорной корзине бумажку, которую оставил ему Сунь Чжо, и развернул ее. На клочке бумаги красовались имя и номер мобильного телефона.

Цяо Вэньюань и Хэ Цзе ушли на прогулку. Пользуясь тем, что дома никого нет, Цяо Юаньлинь уселся во главе обеденного стола и набрал номер. Трубку сняли только после седьмого или восьмого гудка.

— Алло, кто это?

Из трубки донесся раздраженный мужской голос, причем довольно громкий. Цяо Юаньлинь на секунду растерялся. Не зная точной должности собеседника, он вежливо произнес:

— Здравствуйте, это господин Бао?

— Я Бао Чуньшань, — ответил мужчина. — Я сейчас занят, говори быстрее.

Цяо Юаньлинь поспешил объяснить:

— Здравствуйте, господин Бао, очень приятно. Я Цяо Юаньлинь из отдела новостей. Заведующий Сунь оставил мне...

Бао Чуньшань бесцеремонно его прервал:

— Ладно, я все понял. Завтра поднимешься на двенадцатый этаж и найдешь меня.

— А, хорошо, — согласился Цяо Юаньлинь. — А я по-прежнему буду заниматься репортажами?

Бао Чуньшань выдал ему первый нагоняй:

— Ты журналист или кто? Не репортажи писать, так марафон бегать собрался? Что за глупые вопросы! Завтра будь пораньше. Я тут с ребенком уроки делаю, некогда мне. Все, кладу трубку!

В трубке раздались короткие гудки. Цяо Юаньлинь еще некоторое время не мог прийти в себя от этого напора. Почему-то голос Бао Чуньшаня показался ему смутно знакомым, особенно когда тот перешел на крик.

Раздался щелчок замка — вернулся Лян Чэн. Сегодня было его дежурство, и он пришел прямиком из больницы.

Цяо Юаньлинь тут же нашел на ком сорвать злость:

— Поздний вечер на дворе. Ты что, перепутал наш дом с гостиницей?

После того как он показал свою слабость и расплакался — словно щенок, подставивший мягкий животик, — теперь он чувствовал себя неловко и сознательно лез на рожон. Лян Чэн стоял в прихожей.

— Времена тяжелые, вот, курьером подрабатываю, — спокойно ответил он.

Слово «курьер» прозвучало триггером, и Цяо Юаньлинь поспешил откреститься:

— Я тебя ни о чем не просил.

— А я и не про тебя, — Лян Чэн приподнял левую руку, в которой держал бутылку кондиционера для белья. — Мама пожаловалась, что у нашего старого средства неприятный запах, и попросила купить новое.

Поняв, что зря надумал лишнего, Цяо Юаньлинь схватил телефон и собрался уйти, но Лян Чэн преградил ему путь. Он завел правую руку из-за спины и протянул ему большой пакет, набитый сладостями.

— Заодно взял, — сказал Лян Чэн.

Вафли в темном шоколаде, сушеный батат, соевый сыр со вкусом куриного бульона, пирожные с яичным желтком... Все то, что Цяо Юаньлинь обожал в детстве. Лян Чэн явно пытался растопить его сердце, но он не собирался поддаваться:

— Ты думаешь, я все еще маленький и падок на вкусняшки? Мне вообще-то уже двадцать четыре.

— Вот как? — Лян Чэн задал вопрос, заставший его врасплох: — Так у тебя день рождения в конце этого лета или в конце года?

Цяо Юаньлинь опешил. Он едва не проговорился еще на свадьбе, а за последние дни совсем позабыл об этом. Что делать теперь: признаться или продолжать врать?

— Тот день рождения... — замялся он. — Я тогда тебя обманул.

Лян Чэн целых восемь лет помнил не ту дату. Но солнце, баскетбольная площадка и загаданное у озера желание врезались в память так отчетливо, что даже теперь, когда правда открылась, он вряд ли сможет их забыть.

Он спросил:

— В этом году мы отметим его в тот день?

Цяо Юаньлинь покачал головой:

— Раз уж все выяснилось, зачем заниматься самообманом?

— А если я не против обманываться и дальше? — спросил Лян Чэн.

Оба замерли в неловком молчании, мысленно уносясь в то далекое лето. Из оцепенения их

вывели вернувшиеся с прогулки Цяо Вэньюань и Хэ Цзе. Парни тут же взяли себя в руки и сделали вид, будто ничего не произошло.

— Лян Чэн, составь мне компанию, выпьем чаю, — позвал Цяо Вэньюань.

— Хорошо, — ответил Лян Чэн. Выдвигая стул, он заметил на столе измятый листок. — Бао Чуньшань?

— А что? — спросил Цяо Юаньлинь и быстро забрал бумажку.

Лян Чэн задумался на секунду, а затем произнес:

— Если я правильно помню, в переулках Ваньпина... он отец Сяо Лэ.

В понедельник Цяо Юаньлинь пришел на работу со своей коробкой вещей. Он специально выехал пораньше, чтобы у лифтов не толпился народ и не пришлось лишний раз пересекаться с Сунь Чжо.

Планировка и отделка всех этажей были практически одинаковыми. Поднявшись на двенадцатый этаж, он поймал себя на мысли, будто никуда и не уходил. Однако вывеска перед глазами быстро вернула его к реальности: «Центр досуга ветеранов».

На этом этаже располагались три рабочие зоны: помимо самого Центра досуга, здесь находились отдел новых медиа и редакция одной из программ. Поскольку его не освободили от подготовки репортажей, логично было предположить, что его место именно в редакции.

Пройдя по круговому коридору, Цяо Юаньлинь остановился перед дверью большого кабинета. На табличке рядом красовалась надпись: Редакция программы «Пинхайский Бадатун».

— Вот черт... — опешил он от неожиданности. — Неужели мне сюда?!

<http://bllate.org/book/18284/1753069>